

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ / МИХАИЛ ГУНДАРИН

ФАЗИЛЬ

ШЕКСПИР В ЧЕГЕМЕ / СУДЬБА «КОЗЛОТУРА» /
САНДРО ВЕЛИКИЙ / ИСКАНДЕР В «МЕТРОПОЛЕ» /
ПУТЕШЕСТВИЯ В АМЕРИКУ И ПОЛИТИКУ / РОМАН
С КИНО / ГОРЕ, МОРЕ, ГРЕКИ, РИМЛЯНЕ

Евгений Анатольевич Попов
Михаил Вячеславович Гундарин
Фазиль. Опыт
художественной биографии
Серия «Великие шестидесятники»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67632897

Фазиль: опыт художественной биографии: Издательство АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-145596-5

Аннотация

Фазиль Искандер (1929-2016) – прозаик и поэт, классик русской литературы XX века, автор легендарного романа-эпопеи “Сандро из Чегема” и, по его собственному признанию, «безусловно русский писатель, воспевавший Абхазию».

Евгений Попов, знавший Искандера лично, и Михаил Гундарин в живой и непринуждённой беседе восстанавливают и анализируют жизненный путь будущего классика: от истории семьи и детства Фазиля до всенародного признания.

ЕГО АБХАЗИЯ: Мухус и Чегем, волшебный мир Сандро, Чика, дяди Кязыма...

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ: от МГУ до Библиотечного и Литинститута.

ЕГО ТЕКСТЫ: от юношеской поэзии к великой прозе.

ЕГО ПОЛИТИКА: чем закончились участие Искандера в скандальном альманахе «МетрОполь» и его поход во власть во времена Перестройки?

Содержание

Михаил Гундарин, Евгений Попов	5
Предуведомление	7
Глава первая	18
Горы, море, греки, римляне, турки...	18
Под двуглавым орлом и красным знаменем	25
Диалог авторов	35
Глава вторая	39
Персидские мотивы	39
Гостя с гор	52
Вечный праздник	59
Диалог авторов	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Гундарин, Евгений Попов

Фазиль: опыт художественной биографии

© Гундарин М.В., Попов Е.А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Эх, какой это был замечательный праздник, на который собралась «вся Москва», – не столько постсоветская, сколько еще та, советско-имперская. Как проникновенно выступали в Театре им. Вахтангова знаменитые деятели культуры, официальные лица, абхазские дети и взрослые джигиты! Не хуже, чем солист ансамбля песни и пляски Пата Патарая, – и в жизни, и в книге, и в фильме по некогда заприщенной главе из «Сандро из Чегема» под названием «Пир Валтасара».

Это был 1999 год. Великому писателю исполнилось семьдесят лет. Всем уже стало ясно – кому не было ясно до сих пор: перед нами живой классик. Может быть, самая бесспорная величина в русской литературе второй половины века.

Век вскоре после юбилея и закончился. После этого Бог дал Искандеру еще шестнадцать лет земной жизни. Но главные свои труды Мастер уже завершил. Они бесценны. И во многом загадочны – как и сама судьба мальчика с имперской окраины, сына перса и абхазки, ставшего, не имея ни капли русской крови, классиком русской литературы.

Предуведомление

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: На наших глазах мир сходит с ума. Не тот советский, что «во всём мире» плюс «дружба народов», а МІР вообще. Распад! Америка, что всегда была светом в окошке для уставших от «развитого социализма» россиян, целует ботинки неграм и бежит, теряя обмундирование, из Афганистана. Чопорная Англия, как и прочие пуританские страны, охотно венчает однополых, изящная Франция громит собственные архитектурные объекты. Шпана хулиганит по всей Западной Европе. Очень странная пандемия загоняет всю планету в тюрьму. Вранье, фейки, науськивание. Сирия. Украина. И так далее. Нам это надо?

МИХАИЛ ГУНДАРИН: Нам это не надо. Но при чем здесь Фазиль Искандер, который ушел из жизни пять лет назад?

Е.П.: А при том, что я всё время думаю о нем, вспоминаю наши общие дела, встречи, разговоры – и медленно начинаю понимать, что он, пожалуй, был главной литературной персоной конца XX века, противостоящей этому распаду. Он не «пас народы», не командовал, не лез в учителя, идеологи или «властители дум», но он ЗДРАВОО МЫСЛИЛ и умел излагать эти мысли на бумаге. С помощью своих великих персонажей и Богом ему данного писательского таланта.

М.Г.: Но в это же время существовали Аксенов, Шук-

шин... Солженицын, наконец, чья главная книга потрясла мир почище, чем «Десять дней, которые потрясли мир» американца Джона Рида, которого Ленин велел похоронить на Красной площади у Кремлевской стены...

Е.П.: Солженицын – это отдельная тема. Перефразируя Евтушенко, можно сказать, что он в России «больше, чем писатель». А вот Аксенов и Шукшин – да. Два великих Василия русской литературы. Фазиль – третий великий. Ведь при крещении в православную веру он взял имя Василий, созвучное имени Фазиль. А «фазиль» в переводе с арабского означает «талантливый, образованный». Видите, всё совпадает. Даже значение каждой буквы в имени:

Ф – умение приспосабливаться, нежность, оригинальность идей, способность приврать;

А – сила и власть;

З – склонность к сомнениям, материальные трудности, неудовлетворенность, высокая интуиция;

И – впечатлительность, реализм, тонкая духовность, миролюбие;

Л – логика, изобретательность, музыкальность;

Б – способность к классификации, раскладыванию по полочкам.

Понимаете, великий Аксенов – певец распада России, исследователь ее мерзостей и таинственных воспарений, многим казавшийся стилигой, «штатником» и баловнем судьбы. Великий Шукшин – плоть от плоти, душа народная, которая

«не жалеет, не зовет» и пытается не плакать. А великий Искандер – ДРУГОЙ. Он не подвержен сиюминутному, непродуманному, невыверенному, не оснащённому вековой мудростью предков. Он – препятствие на пути хаоса, он не склонен к экзальтации, преувеличениям, истерике. Он за эволюцию, а не за «бунт бессмысленный и беспощадный». Родившийся на Кавказе, Искандер – писатель ИМПЕРСКИЙ, и ничего дурного в этом определении нет. Ведь в эпике крохотного горного села Чегем как в капле воды отразились все страсти минувшего века, сюжеты существования людей на огромном имперском пространстве от Владивостока до Калининграда, в которое и Кавказ входит, и Средняя Азия, и Сибирь, и Дальний Восток.

Искандера читающая интеллигенция воспринимала сначала как красивого, но среднего поэта из плеяды «Юности», потом – как сатирика / юмориста / анекдотчика / антисоветчика типа Владимира Войновича. И лишь время определило его подлинный масштаб.

Если искать приблизительные поэтические аналоги, то Аксенов – это будет вам Маяковский конца XX века, Есенин обернется Шукшиным, а Искандер окажется скорее Пастернаком, чем Мандельштамом. Ведь он, подобно автору «Доктора Живаго», страдал только за свои тексты, с сильными мира сего дружбу не водил, существовал – с их милостивого разрешения – где-то чуть-чуть в сторонке от крутых реалий действительности, на периферии советского «литературного

процесса», диссидентом не был, не спился, не застрелился, слава богу!.. Временами был очень мрачен, если не сказать депрессивен, иногда хохотал своим неповторимым искандеровским смехом.

Его настоящая слава и известность начались на следующий же день после публикации в «Новом мире» повести «Созвездие Козлотура». До этого он был лишь «широко известен в узких кругах». Он не был в числе тогдашних властителей дум – Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко, Окуджавы, Рождественского. Он стал знаменитым – после «Козлотура», а вот когда приобрел ВЕЛИЧИЕ – трудно сказать. Скорей всего, в 1979 году, после публикации в американском «Ардисе» полного, а не усеченного текста «Сандро из Чегема».

Помню 1979 год. Я пировал на его пятидесятилетии в скромном ресторанчике около метро «Профсоюзная», где тамадой был высокий седобородый Лев Зиновьевич Копелев, которого на следующий год власть выставила за пределы СССР, напоследок угостив фронтовика и сидельца фельетоном «Иуда в роли Дон Кихота».

Думаю, в 1989 году шестидесятилетнему Фазилю было не до юбилеев. Именно в этом году он был избран от оппозиционных сил в тогдашний Верховный Совет СССР, и на два года, единственный раз в жизни, погрузился в политику. Заседал вместе с Андреем Сахаровым, Гавриилом Поповым, Юрием Афанасьевым. Интересно, эти имена что-

нибудь говорят сегодня молодым читателям? После самороспуска Верховного Совета в 1991 году никогда больше политикой, слава богу, не занимался.

Так что НАЧАЛО АПОФЕОЗА Фазиля Искандера я отношу к 1999 году. Как легко, раскованно, весело чувствовали себя зрители в зале театра им. Вахтангова! Помню, например, как Юрий Петрович Любимов непонятно зачем пытался всучить юбиляру огромную бутылку водки, которую потом оберегал от неизвестно чьих поползновений абхазский физик и предприниматель Руслан Джопуа, верный друг семейства Искандеров, литературный секретарь Фазиля и помощник депутата во время недолгого «хождения» того во власть.

М.Г.: Моему – последнему советскому – поколению, рожденному на рубеже семидесятых, Искандер стал известен в восьмидесятые. Первым, что я прочитал у Искандера, были «Кролики и удавы». Вещь, на шумевшая даже среди прочих хитов перестройки, но воспринимавшаяся именно в тогдашнем ключе – как высмеивание и ниспровержение. Так, да не так. В этой книге была, во-первых, мысль, а во-вторых, чувство. Мне было лет двадцать, но я и тогда это почувствовал очень четко. Теперь «Кролики...» уже воспринимаются не как уничижительная сатира, но как довольно грустное и пророческое описание универсалий – и власти, и подчинения. Мало того что кролики и удавы, в сущности, составляют симбиотическое единство – едины и страны, и исторические ситуации, в которых разыгрываются все эти иг-

ры. Теперь-то, пожив и при социализме, и при капитализме, побывав много где, мы видим, как высоко этот пик возносится над мутным потоком «абличительной» литературы восьмидесятых. Искандер мудр и в этой книге. Как обычно, мудрость эта и ненавязчива, и глубока. Полагаю, известность «Кроликов...» перехлестнула известность «Созвездия Козлотура», вещи лиричной, открывающейся не всем. Ну и, конечно, была довольно курьезная популярность Искандера по трэш-боевику Юрия Кары «Воры в законе», где в основе пара историй из чегемского цикла. Вот уж где не было почти ничего искандеровского! Но зато скандальная лента подвигла многих прочитав рассказы о Чегеме. И тут грустный вопрос-рассуждение: рассказы прочитаны многими, но прочитан ли великий роман «Сандро из Чегема» именно как цельная вещь? Как новый эпос, вклад русской литературы в мировую литературу второй половины XX века?

Е.П.: Здесь сказывается разница в нашем возрасте. Для моего поколения, особенно для юных читателей, пребывавших тогда в так называемой провинции, «Созвездие Козлотура» было тем глотком свободы, что необходим для выживания в тоталитарной стране. До «Кроликов и удавов» было еще далеко. Напомним, что год публикации «Созвездия» – 1966-й. Тогда хитом инакомыслия был лишь великий «Один день Ивана Денисовича». Самиздат (Копелев, Кёстлер, Оруэлл, Волков, Шаламов) до моего Красноярска практически не доходил. «Затоваренная бочкотара» – не ПОЛИТИЧЕ-

СКАЯ, а чисто ИНАКОХУДОЖЕСТВЕННАЯ повесть Аксенова – появилась двумя годами позже, «Странные люди» Шукшина – в начале семидесятых. Даже об Андрее Платонове мы тогда только слышали, хотя знаменитое его «Избранное» с предисловием Федота Сучкова, где был напечатан «Город Градов», вышло в 1966-м. Но достать его было невозможно. Равно как и переизданных Бабеля, Олешу, Федора Сологуба. Не говоря уже о платоновских «Чевенгуре», «Котловане», о Добычине и Хармсе. Понимаете, «Сандро из Чегема» даже с изъятыми цензурой главами нас тогда очень устраивал. Потому что это была ДРУГАЯ, но литература, мировая литература, а не «вся-то наша жизнь есть борьба». Вот почему – каюсь – я люблю ВСЁ, написанное Искандером, а «Кролики и удавы» показались мне слишком злободневными, ПУБЛИЦИСТИЧНЫМИ. Я в начале восьмидесятых уже чего-то другого искал. И, пожалуй, не один я... Вспомнил, как на чьей-то квартире замечательный поэт Александр Величанский читал самиздатские «Пирсы Валтасара» – к полному восторгу соответствующей публики, любящей портвейн и ненавидящей советскую власть. Это вызвало раздражение у автора «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева, который предложил Величанскому восторженное чтение прекратить и сосредоточиться на собственно портвейне. «Ах ты комплексушник! Ревнуешь?» – возопил Величанский, и классики андеграунда сошлись в рукопашной... Кстати, меня всегда удивляло, что такие совершенно раз-

ные писатели, как Астафьев, Аксенов, Искандер, не принимали всерьез гениальную и самодостаточную поэму «Москва – Петушки». Но это – к слову...

М.Г.: В семидесятых годах во всём мире стала популярна латиноамериканская проза, магический реализм нового замеса. Это было понятно: Запад тянулся к иррациональному, к тому, что живет вне суховатых законов Европы ли, Штатов, проявлял интерес к «другому». Искандера не раз сравнивали с Маркесом. Но это сравнение хромает. И Маркес, и Жоржи Амаду, и Марио Варгас Льюса, уж не говоря о Кортасаре и Борхесе, вышли из позднего западного модернизма начала – середины прошлого века. Фазиль Искандер – из другой традиции, из русской классической литературы.

Кавказ был в русской литературе, кажется, всегда – и именно в качестве «другого», в общении с которым происходит раскрытие личности героя и его творца. Но Искандер уникален тем, что описывает Кавказ изнутри, таким, каким не знали и не могли его знать наши классики, – при этом описывает великолепным русским языком, с глубоко русским взглядом на мир, если угодно. И вот это сочетание для русского читателя делает прозу Искандера шедевром. Но и для западного читателя открывает новые перспективы постижения и человека, и общества. Жаль, что Искандер не получил Нобелевскую премию: это вызвало бы большее внимание к его текстам, они того заслуживают. Повторю: книги Искандера – это наш вклад в мировую литературу.

Е.П.: Про Нобелевскую премию либо ничего, либо только хорошее. Перечень великих, ее не получивших, скорбен. И Фазиль Искандер в их числе. Рядом с Джойсом, Прустом, Борхесом, Набоковым... Джойса даже ни разу не выдвинули на премию... На букву «А» – Аксенов, Астафьев, Ахмадулина... Зато наградили американского бандуриста Боба Дилана с его «песнями протеста» и деловую «прогрессивную» журналисточку, некогда сочинившую прочувственный очерк о козлобородом палаче Феликсе Дзержинском в советском литературно-художественном журнале «Неман». «Когда у меня вырастет сын, мы обязательно приедем на эту землю вместе, чтобы поклониться неумирающему духу того, чье имя – Феликс Дзержинский – “меч и пламя” пролетарской революции», – писала она в 1977 году.

М.Г.: Но мы не про Нобелевскую, а про литературу и про жизнь Искандера, про его друзей и врагов, его мечты, сомнения, тягу к знаниям и просто быт. В общем, таким Фазиля Искандера еще никто не видел. Не зря мы с вами записали столько разговоров и с женой – музой классика Антониной Михайловной, и с теми, кто хорошо его знал. Да, собственно, и вы, Евгений Анатольевич, были с ним близко знакомы!

Е.П.: Да, Михаил, и я расцениваю это как один из главных подарков судьбы. Ибо права русская пословица, утверждающая, что никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Мне ль забыть, как 22 января 1979 года на заседании секретариата Московского отделения Союза писателей СССР

«группа товарищей» во главе с пламенным борцом за нравственность и коммунизм Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым громила альманах «МетрОполь», как Фазиль молчал-молчал, наливаясь гневом, а потом попер на «товарищей» как бульдозер.

Даже Феликс Кузнецов пытался успокоить разбушевавшегося «чегемца» своим очередным враньем о благостях и благородстве «текущего момента»: «Такой нравственной атмосферы давно не было. Давно не было такой доброй атмосферы, и доказательство тому – как мы с вами разговариваем».^{1*}

** Список цитируемых источников см. в разделе «Примечания» в конце книги.*

Казалось бы, после исключения из Союза советских писателей за участие в АПОЛИТИЧНОМ (потому что ХУДОЖЕСТВЕННОМ) альманахе «МетрОполь» я должен был голову пеплом посыпать и предаться скорби. Ан шиш! Близость к Аксенову, Ахмадулиной, Битову, Вознесенскому, Высоцкому, Искандеру, знакомство – если шире брать – с Астафьевым, Шукшиным, Домбровским, Сашей Соколовым, Приговым дороже стоят, чем какой-то там нечистый Союз писменников канувшей советской империи. Равно как и дорогá мне шестидесятилетняя дружба с лучшим (на сегодняшний день) беллетристом России Эдуардом Русаковым, живущим в Красноярске, пятидесятилетнее приятель-

ствование (извините за неуклюжий оборот) с чудесным почтальоном Анатолием Гавриловым, непревзойденным автором ультра short stories, встреча с Аленом Роб-Грийе в Румынии, Юзом Алешковским, Георгием Борисовым, общение с молодежью в Литературном институте, куда меня некогда два раза не приняли, а теперь я в нем преподаю. Я рад, что дожил до этого времени, рад, что мы с вами имеем возможность СВОБОДНО, как нам, а не кому-то иному хочется, сочинять книгу о любимом Фазиле Искандере. И пусть дальше будет, что будет. А что будет дальше, знает только Бог.

Итак, начинаем...

Глава первая

Его Абхазия

Горы, море, греки, римляне, турки...

События второй половины девятнадцатого века, происходившие на абхазской земле, прямо отражаются в прозе Искандера. Мир героев Фазиля Искандера – Абхазия. Вернее, один из миров: действие его рассказов и повестей иной раз происходит далеко за абхазскими пределами. Но именно Абхазия – мир для писателя и его героев изначальный. Благо, было к чему обращаться. Ведь через территорию Абхазии пролегали силовые линии мировой истории. Они сформировали менталитет ее жителей, чегемцев в частности, о чем мы и хотим рассказать читателям, особенно тем, кто не видит прямой связи между прошлым, настоящим и будущим.

Не только история, но и природа определяет суть Абхазии. Разве не важно для понимания внутреннего мира героев Искандера знать, как богат и разнообразен окружающий их мир внешний, где сам климат меняется в зависимости от высоты над уровнем моря – от субтропического до вечных снегов и ледников, где сохранились растения, которых нет нигде больше в мире, а леса славятся реликтовой пицундской

сосной и самшитом – он растет шесть сотен лет! – не говоря уж про дуб, бук, граб, каштан? Первоклассный корабельный лес шел на строительство судов еще во времена Диоскуриады – старейшей древнегреческой колонии на Черноморском побережье Кавказа (руины города сохранились в центре Сухуми до сих пор).

Абхазия была перекрестком между Востоком и Западом. В древности здесь проходили торговые пути мирового значения – например, ответвления Великого шелкового пути. Появлялись скифы. Началась греческая колонизация Причерноморья. Это была ойкумена античного культурного мира.

Что же касается предков современных абхазов, то ими среди прочих племен считаются племена гениохов – «возчиков» в переводе с древнегреческого, мифических возникших близнецов Диоскуров, вместе с Ясоном отправившихся в поход за золотым руном. В Колхиде горные реки несли частицы золота, «варвары, – писал античный историк и географ Страбон, – ловили его решетками и косматыми шкурами». Так и родился миф о золотом руне.

Тот же Страбон сообщал, что гениохи были пиратами, грозой античного мира. В их небольшие, узкие и легкие ладьи – камары – могло поместиться до тридцати человек. Причем нападали гениохи не только на грузовые суда, но и на прибрежные селения, в начале первого века н. э. опустошили даже Диоскуриаду.

Греков сменили римляне, переименовавшие Диоскуриаду

в Севастополис. Это была военная база, где, бывало, стояли несколько легионов.

Но вот и римляне сошли с исторической арены. Хозяевами Абхазии стали местные племена, а сама страна – ареной ирано-византийских войн.

Интересный факт: в 553 году персидский полководец Мермерой при осаде Тцибилы – главной крепости одного из абхазских государств – использовал боевых слонов. Однако, по преданию, крепость устояла. Нынешние абхазские исследователи с гордостью говорят о военной хитрости своих предков: те подвешивали за ногу поросенка, который визжал так, что слоны в панике разбежались. Поросенка, конечно, немного жаль. Да и слонам не позавидуешь... Чем не сюжет Искандера?

В 1810 году абхазское княжество вошло в состав России, но еще почти сто лет Абхазия фактически жила между слабеющей Турецкой и крепнущей Российской империями. Были тут интриги, были войны, действовали свои предатели и герои. Всё, как положено в межимперской «буферной зоне», «диком поле» – или, исходя из ситуации, «диких горах».

Абхазия как бы находится между двух мировых религий, с огромным влиянием язычества. В «Сандро из Чегема» мы видим, как важно для героев Искандера так называемое модельное дерево: оно и оракул, и алтарь, и часть их духовного мира, неразрывно связанная с природой.

Приведем одну из самых популярных абхазских легенд.

Их маленький Фазиль, скорее всего, много слышал, и кто знает, в какой степени повлияли они на будущего писателя. Здесь действуют общие для многих кавказских народов герои – богатыри нартты, а записал эту легенду замечательный этнограф Григорий Филиппович Чурсин.

«У нарттов была сестра-красавица Гунда. Она была неряха, никогда не умывалась, одевалась грязно. Стал свататься за нее Хожирпыс (в переводе “Рододендровый парень”). Ее просватали. Неряшливость сестры очень не нравилась братьям, и они постоянно упрекали ее за это. Она спокойно выслушивала упреки, но всё же наконец вышла из терпения и говорит: “Я не забочусь о своей красоте, потому что иначе вы все погибнете”. Но братья не унимались. Тогда сестра чисто вымылась, нарядилась, обулась, вышла на балкон. Красота ее всех поразила. Услыхал о ней другой герой, Ерчхьюу, и решил добыть красавицу.

Подъезжает он к железным воротам замка нарттов. Увидели его нартты, заперли ворота. Подступает Ерчхьюу к воротам, нартты изнутри подпирают ворота плечами. Ерчхьюу кричит им: “Нартты, отворите, видите, я приехал к вам”. Нартты сильнее подпирают ворота. Еще и еще раз просит Ерчхьюу. Нартты не отворяют. Вышиб тогда Ерчхьюу ворота, упали они на нарттов и придавили их. Гунда плачет. “Почему ты плачешь? – спрашивает Ерчхьюу. – Ничего, я их освобожу. Я приехал взять тебя замуж”. Пришлось красавице Гунде согласиться. Посадил он ее впереди себя и поехал,

а выезжая, одной ногой поднял железные ворота и освободил нартгов.

Вечером приезжает в замок жених Гунды Хожирпыс. Нарты в унынии. В чем дело? Объяснили причину, рассказали о похищении. Утром пустился Хожирпыс в погоню. В полдень догнал Ерчхьоу, кричит ему: “Остановись, подожди меня, если ты мужчина! Давай стрелять друг в друга!” – “Давай!” Стали спорить, кому стрелять первому. Выстрелил Хожирпыс. Не попал. Выстрелил Ерчхьоу. Тоже не попал. Выстрелил Хожирпыс вторично, попал Ерчхьоу в колено. Выстрелил Ерчхьоу, попал сопернику выше глаза, отбил кусок черепа. Хожирпыс говорит: “Позволь сбегать к меднику, починить голову”. Отправился к меднику. Медник приложил вместо отбитой части черепа кусок меди, прибил гвоздями. Вернулся Хожирпыс с починенным черепом, выстрелил, промахнулся. Выстрелил Ерчхьоу, еще глубже захватил голову. Мать Хожирпыса обладала особою силою; всех троих обратила в камень. И поныне стоят они, окаменелые, в горах между Карачаем и Абхазией».²

Такие вот сказания – суровые, жестокие, но по-своему обаятельные, наивные, полные фантазии, энергии, ума и азарта. В «Сандро из Чегема» слышатся несомненные их отголоски. Такова, по нашему мнению, и сама Абхазия.

Весь девятнадцатый век Абхазия имела в русском обществе весьма дурную репутацию, далекую от нынешнего представления о ней как о большом курорте. Достаточно сказать,

что сюда ссылали врагов российского престола – например, декабристов. Самый известный из них – писатель Александр Бестужев-Марлинский. Он был определен в Гагры, и в письме к братьям Полевым, издателям журнала «Московский телеграф», вот как описывал свое житье-бытье в 1836 году:

«Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как со смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами, как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониной. Одним словом, имя Гагры, в самой гибельной для русских Грузии, однозначаше со смертным приговором».³

С Бестужевым-Марлинским связана одна легенда, имеющая самое непосредственное отношение к Фазилю Искандеру. Мы еще вспомним о ней в этой книге.

После Крымской войны, после того как, по свидетельству очевидцев, Сухум был почти полностью разрушен турками, Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел

Российской империи. Но еще долгое время здесь оставалось достаточно пространства для лихих людей – абреков, героев народного фольклора и книг Искандера. Высокогорье российскими властями практически не контролировалось.

Под двуглавым орлом и красным знаменем

Всё, что было до этого, – нечто вроде предисловия к началу «эпохи Сандро».

Вплоть до революции 1917 года общественное устройство Абхазии смело можно назвать общинным. То была своего рода средневековая идиллия, в основе которой лежало молочное родство («аталычество»). Княжеских и дворянских детей отдавали на воспитание в крестьянские семьи, и те становились родственниками князя. А между родственниками – какие сословные противоречия?!

Никакого принуждения к оседлости не было. Если, как пишут⁴ абхазские историки Олег Бгажба и Станислав Лакоба, отношения крестьянина с общиной разладились (кровная месть, например, – средневековье так средневековье!), он мог без помех перейти в другую общину и даже сохранить за собой прежний земельный надел. Надел оставался его собственностью – а вот пастбища и леса были общими для всех. Видимо, поэтому среди абхазов, чем они гордятся до сих пор, не было ни одного нищего.

Само хозяйство носило натурально-потребительский характер. Абхазы занимались обработкой металлов, кожи, дерева, гончарным и шорным делом, ткачеством, приготовле-

нием пороха. Причем всё это не продавалось, а обменивалось! И вообще, по свидетельству тех же историков, «абхазы испытывали неприязнь к любым проявлениям товарно-денежных отношений». Торговать они не хотели решительно. Персонаж Искандера Миха, который «разбогател на свиньях», вызывал непонимание и недовольство односельчан не столько с позиций мусульманства («Я сам не ем! Я только нечестивцам продаю!» – всё время повторяет Миха), сколько с позиций общины и народной этики. «Выламываться» из «народа», тем более заниматься торгашеством, – «неправильно». А ведь речь идет уже о годах гражданской войны! В конце позапрошлого века понятия «общинность», «землячество» были нерушимы. Реформы начала двадцатого века (административная, земельная) шли в Абхазии с большим трудом и, по сути, завершены не были.

Поэтому торговлей в Сухуме, Гудауте, Очамчире и других окрестных городах занимались пришлые турки, греки, армяне, мегрелы, персы. Именно их мы видим среди героев «Сандро из Чегема» в ролях лавочников и торговцев, например в главе «Игроки», где табачник грек Коля Зархиди проигрывает в нарды всё свое состояние эндурскому скотопромышленнику. Наконец, предки самого Фазиля Искандера по отцовской линии прибыли в Абхазию из Персии именно для того, чтобы торговать.

Надо сказать, что Российская империя поощряла перемещение людей внутри своей территории, не возражала и про-

тив «трудовых мигрантов» — может быть, опасаясь скопления «одноплеменных» подданных (что чревато восстаниями именно по национальному признаку). Но что интересно, зарождение абхазской национальной интеллигенции, как частенько бывает, шло на основаниях жесткого разделения «своего, родного», лучшего и «чуждого, пришлого», то есть дурного и опасного. Об этом писал, например, один из представителей так называемого «возрождения абхазов» Михаил Тарнава уже в годы Первой мировой войны, когда «пришлых», естественно, стало больше за счет эвакуации с мест сражений.

Как бы то ни было, новые люди на практически закрытой территории и правда стали серьезным вызовом традиционному укладу. Вместе с новыми людьми и установлением подлинной, а не номинальной власти Российской империи Абхазия менялась самым коренным образом.

А вот теперь вопрос: знаете ли вы, что действие повести Чехова «Дуэль» происходит именно в Сухуми? Повесть опубликована в 1891 году. Для ее героев — думаем, и для автора, — город был крайней точкой империи, местом полудобровольной ссылки с весьма неприглядными бытовыми и климатическими условиями. Чехову было нужно именно такое место, чтобы заострить конфликт и вывести героев на противостояние.

Мы узнаём, что в городе нет ни одной приличной гостиницы. Что выехать и приехать сюда можно только по мо-

рю (если нет шторма). Что здесь пыльно, а в сезон дождей влажность просто невыносима, кипарисы высажены недавно, пальмы худосочные и не скоро еще вырастут и будут давать тень, – очевидно, город не до конца восстановлен после турецкого вторжения конца семидесятых. (Кстати, рожденная как СУХУМ, столица Абхазии с 1936 года именовалось СУХУМИИ, и лишь в 1992-м вернула свое древнее название, но многие, в том числе и мы, говорим то Сухум, то СухумИ.)

Природа вокруг, впрочем, хороша, но хороша именно своей дикостью и буйством, чудовищными перепадами высот и прекрасными видами на море. А в целом вот что такое Абхазия для Чехова: «Пустынный берег моря, неутолимый зной и однообразие дымчатых лиловатых гор, вечно одинаковых и молчаливых, вечно одиноких...»

Но уже в девяностых годах позапрошлого века всё стало меняться. Было построено первое шоссе Новороссийск – Сухум – Батум. Если до этого монокультурой, по сути, была кукуруза (и у Чехова упоминаются бесконечные кукурузные поля), то теперь главным стало табаководство. Поэтому в мире «Сандро из Чегема» крестьяне работают и «на кукурузе», и «на табаке», а богатеют владельцы табачных плантаций (конечно, пришлые).

Ну и самое главное – приморская Абхазия становится большим курортом. В 1898 году Всероссийский конгресс врачей в Москве признал Сухум одной из лучших климатических здравниц для «слабогрудных» – туберкулезников.

В 1902 году в Сухуме открылась первая больница на 35 коек. В городе и его окрестностях строятся санатории. Бурно развивается санаторно-курортное хозяйство и в Гагре, основанное принцем Ольденбургским.

Александр Петрович Ольденбургский, представитель младшей ветви родственной Романовым династии Гольштейн-Готторп, и правда очень много сделал для процветания абхазского побережья с его ужасным (вспомним Бестужева-Марлинского) климатом.

Впервые принц прибыл в Гагру в 1901 году, после отправился в Новый Афон и Сухум. Сухумские сады и дендрарий восхитили принца, радовала глаз прекрасная дикая природа. Он убедил Николая II, что, несмотря на малярийные болота, это место будто создано для роскошного курорта, русского Монте-Карло, и из казны на строительство Гагрской климатической станции было выделено 100 тысяч рублей золотом. Огромная сумма!

Как тут не вспомнить и не процитировать то место в «Сандро из Чегема», где говорится об этом энтузиасте:

«И вот выросли на диком побережье дворцы и виллы, на месте болота разбит огромный “парк с насаждениями”, как он именовался, порт, электростанция, больница, гостиницы и, наконец, гордость принца, рабочая столовая с двумя отделениями: для мусульманских и христианских рабочих. В обоих отделениях столовой кухня была отделена от общего зала стеклянной перегородкой,

чтобы неряхи-повара всё время были на виду у рабочих».

Искандер пишет о принце с иронией, но и с симпатией. Взять хотя бы историю с пропавшим черным лебедем, за находку которого дядя Сандро получил в подарок бинокль.

Кстати, то, что принц Ольденбургский любил принимать разного рода диковинки от местных жителей и беседовать с ними, вполне соответствует действительности. Так, некий Топаз Инал-ипа преподнес в дар Александру Петровичу двух огромных лососей, пойманных в реке Бзыбь. Принц встретил гостя попросту, угостил и в ответ подарил немецкий дилижанс с парой лошадей.

Вслед за принцем Ольденбургским и тогдашний бизнес увидел для себя перспективы. За два с небольшим года Гагра превратилась в курорт, не уступающий лучшим европейским.

В общем, всё бы ничего, – но грянула революция. На Кавказе вообще и в Абхазии в частности она шла особенно бурно. Было и восстановление государственности. Были и попытки Турции под шумок приобрести право влиять на Абхазию – вплоть до протектората. Была и оккупация Сухума германскими отрядами. Особенно остры в этот период были отношения между грузинским и абхазским правительствами – последнее прямо обвиняло Грузию в захвате исконно абхазских земель. Следов этого противостояния в «Сандро из Чегема» множество, вспомним хотя бы главу «Битва при Ко-

доре, или Деревянный броневик имени Ноя Жордания».

Абхазцы обращались за помощью и к генералу Деникину, и к британскому правительству. Собственно, и большевики, как считают историки, смогли одержать решительную победу только тогда, когда в 1921 году заявили об учреждении Абхазской Социалистической Советской Республики.

Тем не менее, советское время Абхазия провела в составе Грузинской ССР как автономия. В конце восьмидесятых годов эта ситуация взорвется, что приведет к кровавому конфликту. Но вот в самом начале двадцатых Абхазия вдруг оказалась островком спокойствия в не до конца успокоившемся взбаламученном море великой российской смуты. Именно такой республику застал Константин Паустовский, сумевший нелегально высадиться в Сухуми. Почему нелегально? Потому что Абхазия никого не впускала! Отделилась от всего мира – и благоденствовала.

«Маленькая страна, тесно зажата с трех сторон областями, где люди умирали от сыпняка, решила спастись самым доступным и нехитрым способом – отрезать себя от остального мира и следить, чтобы ни одна мышь не перебежала границу.

Сделать это было сравнительно легко.

С севера Абхазию отгораживал Главный хребет. Единственный Клухорский перевал в то время был непроходим – выючная тропа в нескольких местах обрушилась. Днем и ночью без усталости сползали и дымили по обрывам лавины.

С севера, со стороны Сочи, и с юга, со стороны Аджарии, шоссе и мосты были взорваны во время гражданской войны и загромождены множеством осыпей и обвалов.

Оставался единственный путь – море. Но на море не было пароходов, если не считать “Пестеля”.

Всего легче было объявить карантин против сыпняка и никого не пускать с парохода на берег. Так местные власти и поступили.

А между тем по всему Черноморью и соседним землям ширился слух о существовании на кавказском берегу маленького рая с фантастическим изобилием продуктов и волшебным климатом. Все рвались в этот рай, но он был наглухо закрыт.

Этот рай назывался Абхазией». ⁵

Конечно, по свидетельству того же Паустовского, сведения о райском блаженстве оказались сильно преувеличены. Однако и то, что он увидел в Сухуме, и его поездки вглубь страны убедили будущего автора «Золотой розы», что Абхазия жила по своему вековому укладу и бури Гражданской войны затронули ее в куда меньшей степени, чем большинство других территорий бывшей империи. Вот как увидел Паустовский абхазцев:

«Большей частью это были люди сухощавые и клекочущие, как орлы. Они почти не слезали с седел. Кони, такие же сухощавые, как и люди, несли их, перебирая тонкими ногами.

Почти у всех абхазцев были профили, достойные, чтобы их отлить из бронзы». ⁶

Красного террора первых лет революции здесь не было. Не было (в тотальном масштабе) и коллективизации. Особая роль в смягчении режима (конечно, только в сравнении со всей остальной страной) историками отводится легендарному Нестору Лакобе, главе Абхазии в 1922–1936 годах. Как народный герой показан он и в «Сандро». Большой террор развернулся после его загадочной смерти. Но это уже другая история, и ее мы коснемся. Сейчас же доведем наш исторический очерк до 1929 года, года рождения Фазиля Искандера.

В первое послереволюционное десятилетие Абхазия менялась стремительно, и менялась к лучшему.

Община не была полностью разрушена, но приняла формы товариществ по общественной обработке земли и артелей. Причем, по мнению экономистов, эти товарищества работали во благо: такая «мягкая коллективизация» даже способствовала традиционным отраслям сельского хозяйства – табаководству, кукурузоводству, виноградарству; более того, внедрялись новые культуры: чай и цитрусовые. Теперь даже странно представить, что до революции в серьезных масштабах эти культуры не выращивались!

Бурное развитие абхазских курортов давало рабочие места, росла слава Абхазии как маленького земного рая.

К тридцатым годам осуществлено всеобщее начальное об-

разование, выросло число неполных средних и средних национальных школ, техникумов и училищ. Наконец, созданы педагогический и сельскохозяйственный (субтропический) институты. Чуть позже, в тридцатых, знаменитыми на весь СССР становятся Сухумский ботанический сад и обезьяний питомник.

И конечно, национальное книжное издательство, газеты, выходящие огромными (по нынешним меркам) тиражами на абхазском и русском, абхазские журналисты и литераторы – всё это появилось лишь после революции. Наконец, в 1929-м, как раз в год рождения Искандера, был создан профессиональный абхазский театр.

Да и рождение самого писателя для абхазской культуры и для Абхазии в целом было не менее значимым. Именно Искандеру предстояло познакомить читателей разных стран со своей родиной. То есть – сделать свою древнюю землю частью современного мира.

Диалог авторов

МИХАИЛ ГУНДАРИН: Вот такая у Абхазии богатая и интересная история. И весьма неоднозначная: тут и упорный труд, и отчаянное сопротивление внешним силам, горячая поддержка «своих», но и пиратство, работоторговля... И всё это с глубокой древности. А что вы знали про Абхазию в своем детстве? В пятидесятых годах в далекой Сибири республика была известна?

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Да ничего я не знал про Абхазию. Знал, что есть Кавказ, видел кавказцев. Вообще, Сибирь – это гигантский плавильный котел, не устаю повторять. Каких только национальностей у нас там не было, и все уживались. Кавказцы торговали на базаре. Я их даже в закрытом городе Норильске видел, помню, еще удивился – как они сюда проникли? Может быть, были среди них и абхазы. Ведь даже в Москве при поступлении Фазиля Искандера в университет просвещенный московский человек спросил его: «Абхазия – это Аджария?» Фазиля это ужасно оскорбило, и он ответил твердо: «Нет, Абхазия – это Абхазия, а Аджария – это Аджария». И это Москва, а в Сибири и подавно не различали. Кстати, я бы сказал, что у кавказцев есть что-то общее с сибирским характером: ирония, независимость, любовь к выпивке. Но у нас, конечно, народ не такой горячий, и пьют более приземленно: у них там, на Кавказе, танцы, веселые

песни сразу, да и культура тостов, чего у нас нет.

М.Г.: Но в любом случае кавказцы были, как сейчас говорят, «другими». Сегодня считается, что как раз через других только и можно понять себя.

Е.П.: Ну конечно, другими. И это нормально, так и понималось: разные народы, разные обычаи, разные порядки. Интересно! Вот у меня был ранний рассказ «Ткибули Ткварчели», там про кавказцев – а сам заголовок составлен из названий городов. И только потом я узнал, что один из этих городов в Грузии, а другой в Абхазии. А Фазиля – когда я его в первый раз увидел, уже в шестидесятые, в Москве, в редакции журнала «Юность», – за кавказца не принял. Это было еще до «Созвездия Козлотура», он был молодым, но уже активно печатающимся писателем. Веселый, симпатичный парень, говорит без акцента, разве что брюнет. Ну так я и сам чернявый был. Где-то в роду, говорят, тоже греки имелись. И коренные енисейские кеты, и казаки. Все мы жили в одной империи.

М.Г.: Вот и мне кажется, что в Советском Союзе в представлении простых людей четких национальных различий не было. Империя имела не национальности, но части света – был запад, север, юг, восток... На юге был Кавказ, это все знали. Ну а на Кавказе – Абхазия, среди прочих республик. Прочитую тут Александра Гениса, изучавшего феномен Искандера с другой стороны океана, но пришедшего к схожим выводам в статье «Колумб Абхазии»:

«Мне кажется, что Искандер... писатель советской империи. В ней было много авторов, писавших на русском языке национальную литературу. Но всё, что написано на русском языке, – русская проза. <...>

Для Искандера было важно, что он писал по-русски, что он считал себя русским писателем. И именно в таком качестве он остается в литературе».⁷

Е.П.: Я в Абхазию впервые попал в восьмидесятых годах, как раз шла перестройка. Тогда в знаменитом Доме творчества в Пицунде отдыхали Белла Ахмадулина и Борис Мессерер. Они пригласили нас с женой моей Светланой к ним присоединиться. Какая была ночь на галечном пляже! Помню, проснулся утром в своих крутых вареных джинсах, Василий Аксенов мне их еще из Штатов прислал в подарок... Блаженство! В этом Доме творчества не раз отдыхал и работал и Фазиль вместе с женой Антониной. Он говорил, что присутствие семьи ему помогает: хорошо, говорил, когда кто-то шебуршит за стенкой. Ну и столь же знаменитый Дом отдыха кинематографистов рядом. Абхазия была нашим советским Средиземноморьем. А какие вина! А чача! Помню, покупал ее – что меня удивило – у абсолютно русского мужика, жившего там. Гнал он ее отменно. Притом что тогда в стране был сухой закон и алкоголя было не достать. А здесь – пожалуйста!

М.Г.: А я помню, у нас дома, на Алтае, была кружка, а на ней четыре огромные буквы: «Р И Ц А». Я, когда учился чи-

тать, очень удивлялся, что это за «РИЦА» такая. Понятное дело, имелось в виду уникальное озеро. Кто-то из родителей был в Абхазии по профсоюзной путевке, вот и привез сувенир. Мне это казалось в порядке вещей – что у нас в стране есть какие-то интересные, экзотические места с непонятными названиями, куда можно съездить, увидеть много нового, необычного. Но про Абхазию – как отдельную местность со своими непохожими на других жителями, со своей культурой, – я узнал, конечно, из книг Искандера. Огромное дело он сделал для своего народа, благодаря ему мы Абхазию не просто узнали, но полюбили.

Е.П.: Да, искандеровская Абхазия – всё равно что фолкнеровская Йокнапатофа или шукшинский Алтай. Может быть, это главное, что может свершить писатель для своего народа, своей малой родины, – сделать их интересными и любимыми для миллионов читателей. Искандеру это удалось сполна.

Глава вторая

Семья и родня Искандера

Персидские мотивы

Итак, понимание творчества Фазиля Искандера будет неполным без знания о его Абхазии – но еще более неполным, если не знать непосредственную историю его семьи, драматичную и полную тайн. Многие из них, увы, не могут быть раскрыты – теперь уже почти точно – никогда.

Прежде всего это касается отца Фазиля. Абдул был персом. Происходил из зажиточной семьи. Фазиль вспоминал, как ему, маленькому, родственники со стороны отца показывали в Сухуме дома – много домов, чуть ли не половина города! – и говорили, что их построили из кирпича, изготовленного на фабрике его деда. У кого-то из родственников Фазиля остался от него старинный, с золотым тиснением Коран.

Так что по отцовской линии Искандер – перс. Его дед Ибрагим приехал в Абхазию в девятнадцатом веке. В этом не было ничего исключительного – мы уже писали о том, что местные жители торговлей заниматься не желали. Персы, греки, евреи, армяне селились в приморских городках,

да так там и остались. А их потомки составили уникальное разношерстное и разноязыкое сухумское сообщество, с такой любовью описанное Искандером в «Детстве Чика».

Повезло в бизнесе, как сказали бы сейчас, и Ибрагиму Искандеру. Он основал один из первых кирпичных заводов в Абхазии. Во времена большого строительства в конце девятнадцатого – начале двадцатого века кирпичи шли влет! Он женился на местной абхазской девушке Хамсаде Агрба, построил дом (тот самый дом под кипарисом, что дал название повести Фазиля Искандера), здесь у него родились сыновья Абдул, Мамед, Самед, Риза и дочь Султана.

Известная в Абхазии общественная деятельница Адиле Аббас-оглы вспоминала:

«Ближайшими друзьями моего деда были Ибрагим Искандер и Мухарем Буюк-оглы, по духу и положению близкие ему. Они часто встречались, помогали друг другу в делах. Искандеры, состоятельные и всеми уважаемые, были иранского происхождения, и дед находился с ними в отдаленном родстве. <...> Жили они в большом двухэтажном доме, построенном в 1903 году. Я часто бывала в нем вместе с родителями и хорошо помню теплое гостеприимство и уют, который умели создать женщины этой замечательной семьи, особенно красавица Султан-ханум.

После смерти Ибрагима главой семьи стала его жена, абхазка Хамсада, гордая, властная женщина с сильным характером. Она прожила сто лет. <...>

Наша семья была связана с Искандерами и молочным родством. Одним из древних обычаев абхазов было братание (аталычество), когда двух только что родившихся младенцев матери передавали друг другу и вскармливали грудью. Моя бабушка Гюльфидан вскормила старшего сына Искандеров – Абдула (отца Фазиля Искандера), а Хамсада – моего отца Шахбаса. Позже побратимами стали мой дядя Риза и его тезка Риза Искандер».⁸

Этому дому больше ста десяти лет. Когда-то при нем были и конюшня, и баня, и служебные пристройки, и склад табака, но с приходом советской власти дом был разделен на квартиры. Именно этот дом стал прообразом дома Чика (балкончик уж точно тот же самый). Кстати, домом сейчас владеет племянник писателя, сын его старшего брата Риза Искандер. А хурма, посаженная Хамсадой Агрба, до сих плодоносит.

Мы уже писали, что с древности Персия (сами иранцы искони называли свою страну Иран) держала Абхазию в зоне своего внимания. Собственно, и фамилия Искандер – оттуда, из Персии. Она ведет свое начало от восточного варианта древнегреческого имени Александр – Искандер, «одерживающий победу, победитель».

Есть легенда, связанная с происхождением семейного имени Искандеров. Согласно ей, родоначальником рода был не кто иной, как писатель-декабрист Бестужев-Марлинский! Ведь он имел псевдоним Искандер-бек и бесследно исчез во

время одного из боев с немирными горцами в 1837 году в пригороде нынешнего Сочи, совсем рядом с Абхазией. Так что правильнее было бы считать его не погибшим, а пропавшим без вести. По легенде, он добровольно перешел к горцам и стал правой рукой Шамиля. Говорили даже, что Шамиль – это и есть сам Бестужев! В общем, в эту легенду верится с трудом – вряд ли русский офицер, хоть и бывший участник заговора декабристов (прошло более десяти лет с 1825 года), пойдет на службу к врагу империи, да еще к тому, с чьей армией отчаянно сражался столько лет.

Согласно другой легенде, тяжело раненный Марлинский был спасен влюбившейся в него горянкой, укрыт в одном из горных сел – чуть ли не в самом Чегеме! От него, точнее – его псевдонима, и пошли Искандеры.

Понятно, что многое в этой легенде не сходится. Зато она объясняет генетическую связь Фазиля Искандера с русской культурой и русским языком. Разве не парадоксально, что одним из самых значительных русских писателей двадцатого века стал человек, в жилах которого нет ни капли русской крови! С другой стороны, при чем тут генетика? Преемственность передается иными путями – не биологическими, но духовными, простым смертным недоступными.

Как бы то ни было, благополучно прожившие в Абхазии почти сто лет персы и греки были отсюда выселены. Перед Великой Отечественной войной – еще по сравнительно мягкому варианту, на историческую родину (на которой боль-

шинство из них никогда не бывало и где им были совсем не рады). После войны греков отправляли в ссылку на восток империи, в Сибирь, где очень многие и погибли. Ну а в конце тридцатых персов, кстати, депортировали в Иран только в том случае, если они не приняли советского гражданства. Хотя... если бы приняли, их ждала судьба, неотличимая от судьбы остальных советских людей. Отец Фазиля отказался от гражданства СССР и в 1938 году был выслан в Иран. Его братья гражданство приняли и погибли в ГУЛАГе.

В Сухуми отец Фазиля (некогда богатый наследник!) работал на мелких должностях, некоторое время даже на кирпичном заводе, прежде принадлежавшем его отцу – деду Фазилю.

Вот несколько воспоминаний о семейной жизни родителей из рассказа Фазиля, который так и называется – «Отец» (написан в восьмидесятых, вошел в цикл «Школьный вальс, или Энергия стыда»).

У них был сосед, увековеченный Искандером под именем Богатый Портной.

«Вот этому портному и его семье мама завидовала и упрекала отца в безалаберности. Теперь-то я думаю, что мы жили не намного хуже его, но у нас не было того поступательного движения, той древней поэзии улучшения гнезда, без которой до конца не может быть счастлива ни одна женщина.

Мама считала, что дело всё в хорошей работе, но отец или не мог ее найти, или был доволен своей.

Помню его на угольном складе с руками черными и пропахшими земляной сыростью, тайной нераскрытого клада.

Помню его на каком-то яблочном предприятии. Горы яблок, а я босой хожу по ним, выбираю самое лучшее и никак не могу выбрать.

Только найду красное – приходится бросать, потому что вижу другое, еще более румяное, крутое, красивое. Отец стоит рядом и посмеивается».

Был он не прочь и посидеть в кофейне (а точнее, мог провести там с друзьями много часов), что вызывало крайне негативную реакцию жены – как, собственно, аналогичное поведение мужей вызывает аналогичную реакцию всех жен мира...

Незадолго до своей высылки он потерял очередную работу, семья осталась без денег. Пришлось опираться на деревенскую родню матери и пустить квартиранта – в одну-то из двух комнат, выделенных им в большом доме! Впрочем, вспоминает Искандер (и в этом оптимизме он весь), «у нас еще оставалась комната и веранда, которая по нашему теплему климату вполне могла сойти за вторую комнату».

Вскоре отца выслали.

Фазиль, которому не было тогда и десяти лет, хорошо запомнил его отъезд: «Все родные так плакали, что весь вагон расплакался. Я помню это невероятно горестное ощущение. И помню слёзы на глазах у проводницы».

Он нередко вспоминал, что именно отец читал ему кни-

ги, – например, «Тараса Бульбу». Для Фазиля, ценящего чтение очень высоко, это воспоминание было одним из самых важных: отец успел передать ему НЕЧТО, повлиявшее на духовное формирование будущего писателя.

Абдул больше в Абхазию не вернулся, свою семью он видел тогда в последний раз. По некоторым сведениям, в Иране он был арестован как советский шпион (а может, для этого были какие-то основания? Конечно, кадровым чекистом он не был точно, но, возможно, перед высылкой ему дали некое задание – мол, наблюдай, что там да как, а мы поможем тебе вернуться или о семье позаботимся). Содержался Абдул в ужасных условиях и, несомненно, заключения в тамошнем ГУЛАГе не перенес бы, как не перенесли заключения его братья в ГУЛАГе советском, – но началась война, в Иран были введены советские войска, и ситуация с арестованными «бывшими советскими» персами сразу улучшилась. Абдул вышел на свободу, устроился работать на железную дорогу, несколько раз писал домой, даже присылал скромные посылки с иранскими засушенными фруктами... Просил похлопотать о его возвращении.

И вот молодой Фазиль, московский студент, в конце сороковых отправляется в МИД наводить справки об отце. От него шарахались как от зачумленного: времена-то были сталинские.

В беседе с одним из авторов этой книги Искандер вспоминал:

«Я, уже учась в Литинституте, однажды отправился в МИД, хотя мне, когда я посоветовался с одним своим товарищем, сказали, что это опасное дело и я могу оттуда не выйти. Но я абсолютно не верил в какую-то опасность этого дела, я зашел туда, меня часовой спросил, что вам надо, я говорю – мне надо поговорить, что у меня отец, то-се, он говорит: вот телефон, по этому телефону звоните, по такому-то номеру. Я звоню, кто-то берет трубку, я кратко рассказываю историю отца, он выслушивает меня и говорит: позвоните по такому-то телефону. Я звоню, и следующий человек выслушивает меня и говорит: позвоните по такому-то телефону. Я звоню дальше и как бы ощущаю такое нарастающее чувство вины, как будто бы я внедрился в грандиозный государственный аппарат со своими мелкими делами и всё дальше и дальше иду по этим лабиринтам. Наконец следующий, кому я всё объяснил, сказал мне: “Изложите всё это в письме к нам”. И я ушел и написал – да я и не раз писал, но это не воздействовало, их это не трогало».

Слава богу, что обошлось всё с самим Фазилом, – а вопрос о возвращении отца так, конечно, решен не был. Нет точных сведений, как он жил, чем занимался в Иране. Доходили смутные слухи, что он, человек еще не старый, завел там новую семью, – может быть, поэтому и не вернулся в Абхазию? Только ближе к концу пятидесятых Фазиль узнал о его смерти.

Много позже в одной из бесед с Евгением Поповым Искандер вспоминал, как это было:

«В пятьдесят шестом, я в Сухуми тогда жил, на первом этаже, и мне почтальонша всегда так стучала в окно, давала газеты или письма прямо в мою комнату... Вдруг в один прекрасный день она в стекольце так стукнула рукой, и меня охватил – вот мистика – какой-то ледяной холод, хотя разумом я понимал – никто, кроме нее, не мог постучать в окно. Днем. Я с трудом встал, подошел, она подала мне письмо, и я по конверту понял, что это – иностранное письмо. Так как тогда я мог переписываться только с отцом, я понял, что письмо – оттуда. Раскрыл письмо, где его товарищ, языком и почерком человека, уже забывающего русский язык, написал: “Ваш отец умер в пятьдесят шестом году. Царство ему Небесное...”»

Этот устный рассказ вошел и в повесть «Стоянка человека». Подробности – те же, за исключением года: в «Стоянке» назван 1957-й...

Актер и режиссер Сергей Коковкин вспоминает, что в конце восьмидесятых Фазиль иногда отказывался подписывать международные воззвания, например, письмо в защиту Салмана Рушди.

Не исключено, что не случайно так горячо звучит одно из отступлений в том эпизоде «Сандро», где родственники забирают тела расстрелянных без суда и следствия:

«По абхазским обычаям мертвый должен быть

предан земле на семейном кладбище. И если он убит или умер очень далеко от дома, его надо во что бы то ни стало перевезти домой. И если он убит властями и тело его охраняется ими, надо выкрасть или вырвать силой родной труп, даже рискуя жизнью. Таков закон гор, закон чести абхазца».

Незадолго до смерти, уже в двадцать первом веке, Искандер удостоился чествования со стороны иранских дипломатов как «русский писатель иранского происхождения». Однако местонахождение могилы Абдула Искандера неизвестно до сих пор.

Принявшие же советское гражданство двое дядьев Фазиля были арестованы как «враги народа» и погибли в лагерях. У Искандера много говорится о них в цикле рассказов (или повести, о жанре можно спорить) «Школьный вальс, или Энергия стыда». Вот об одном из них, «благополучном», гордости и надежде своей матери, бабушки Фазиля:

«Однажды дядя не пришел с работы, а потом тетя где-то узнала, что его “взяли”. Я еще не знал значения, которое придавали этому слову, но чувствовал какую-то жестокою безличную силу, заключенную в нем.

Печальная таинственность окружила нашу семью. Приходили соседи, сочувственно вздыхали, качали головой. Говорили с оглядкой, полушепотом. Чувствовалось, что люди живут напряженно, в ожидании грозного, как бы стихийного бедствия.

Арест дяди скрывали от бабушки. Но она чуяла что-

то недоброе и, страшась правды, делала вид, что верит в его неожиданную командировку. Однажды я увидел, как она перебирает вещи в дядином чемодане и тихо причитает над ними, как над покойником. Мне стало не по себе, я понял, что она всё знает.

Приходили дядины друзья, всё такие же стройные, нарядные, но притихшие. Они без конца курили, грустно шутили, что лучших забирают, и как-то утешающе рассказывали, что “взяли” еще такого-то и такого-то. <...>

Дядя так и не вернулся. С годами боль улетучилась, оставив каплю яда в крови и воспоминание о нем, как о далеком солнечном дне. И только бабушка с неутихающей яростью молила своего глуховатого бога вернуть ей сына. Обычно она молилась, стоя лицом к окну, возле дядиногo письменного стола. В такие минуты, чтобы не мешать, никто к ней близко не подходил.

Однажды я подошел к стене и посмотрел на нее сбоку – бабушка держала в руке рюмку водки, и это меня потрясло. Оказывается, она прятала бутылку за ставней. Бедная бабушка молилась в день по пять-шесть раз. Молитва, поддержанная рюмкой водки, наверное, утешала, но всё же она умерла, так и не дождавшись сына. <...>

После двадцатого съезда пришло письмо о реабилитации дяди. В эти дни я случайно встретился с Оником, теперь работником следственных органов. Я знал, что ему поручена проверка такого рода дел. Он,

не дожидаясь моего вопроса, сказал, что видел папку с делом моего дяди.

– Что же в ней было? – спросил я.

– Ничего, – сказал он и развел руками».

Пропал в заключении и второй дядя, не «благополучный», а попросту спившийся, юрист, человек добродушный и незлобивый, зарабатывавший свою бутылку и кусок хлеба тем, что писал горцам прошения на базаре. Искандер вспоминает с горькой усмешкой, что после его ареста семья гадала: как же сможет он в тюрьме обойтись без своей ежедневной доли алкоголя?..

Третий дядя – «сумасшедший» – известен всем читателям Искандера.

Зато еще один, по имени Навей, после войны вдруг вынырнул в неизвестной Чегему Америке и оттуда по радио на родном языке стал вещать Евангелие своим ошеломленным землякам. Такая вот судьба, такой вот двадцатый век.

Не обошел стороной он и тетушку по отцовской линии, героиню и рассказов Искандера, и семейных легенд. Напомним, ее звали Султана Ибрагимовна (хотя в рассказах Искандера это имя ни разу не называется). У нее действительно был неудачный опыт замужества: якобы турецкий консул (а не персидский, как в рассказах), ее избранник, оказался многоженцем, что возмутило Султану, но не помешало получить в виде отступного увесистый мешочек с золотом. Всю жизнь она проживет вместе со всей (основательно поредев-

шей, увy) семьей, умрет в 1968 году. Похоронена на родине матери – бабушки Фазиля – в селении Нижняя Эшера.

Гостя с гор

Отец – беззаботный перс, мать – абхазка Лели Хасановна Мишелия, родом из абхазского села Джгерда. Она «была неграмотная, ну так, читать немного могла, но ни одной книжки не прочитала, работала простой продавщицей», – вспоминал Фазиль. У этой простой продавщицы было трое детей, из которых двое окончили вузы. Младший, Фазиль, вообще после школы получил золотую медаль – уж не говоря о том, что стал всенародно любимым и всемирно известным писателем.

Как можно судить, брак отца и матери Искандера был в известной степени мезальянсом. Абдул был все-таки «из богатых», пусть и в прошлом, но и в настоящем – «из городских», «из просвещенных». Мать и ее родня были «из деревенских». И Лели Хасановна до конца так и не полюбила городскую жизнь, не привыкла к ней, хотя, надо понимать, Сухум что тогда, что сейчас меньше всего напоминал мегаполис. Не будем также забывать, что после высылки отца маленький Фазиль часто жил именно среди материнской родни – в селе с названием Чегем, части большого села Джгерда, родины матери. В полном смысле деревенским мальчишкой «с гор» он не был – проводил в Чегеме преимущественно лето. Однако это многое дало ему. В интервью 2011 года журналу «Огонек» Фазиль Абдулович даже признавался,

сравнивая «городскую» – отцовскую и «деревенскую» – материнскую родню: «Мой дом, если говорить мировоззренчески, построен не из кирпичиков деда по отцу, а из, если можно так сказать, кирпичиков деда по матери. Я приезжал к нему летом на каникулы. Настоящий крестьянин, со всеми особенностями крестьянского мышления, он повлиял на меня своей жизнью»⁹. Дед стал прототипом не только старого Хасана, но и других жителей Чегема.

Как и везде и всегда, среди родни Фазиля были люди разные. Например, тетушка, любившая литературу (особенно Стендаля) и привившая любовь к литературе и племяннику. Но мать была иной – суровой и сдержанной.

Искандер в беседе с одним из авторов этой книги вспоминал о матери так: «От природы, я думаю, она была умным человеком. Я вспоминаю многие ее жизненные умные наблюдения... И вот каждый раз, когда я делился с ней фантастическими интеллигентскими, подчеркиваю, слухами, она, совершенно неинтеллигентная деревенская женщина, своим абсолютно здравым умом каждый раз понимала, что это ерунда. Но в то же время она, хотя и не читала меня, но по разговорам моим делала выводы и часто просила: “Будь осторожнее. Ты неосторожен. Я не знаю, что ты там пишешь, но тебя возьмут, как твоих дядей...”».

А фантастические слухи касались, например, знаменитого на всю страну комического актера Аркадия Райкина: он якобы спрятал золото и бриллианты в гробу своей матери.

О матери Искандера вспоминают как о женщине строгой, твердой рукой ведшей свой дом. Можно представить, как нелегко ей было остаться без мужа в молодости, да еще в самое суровое время!

Фазиль уважал мать безмерно. Каждый год он ездил в Абхазию, чтобы повидаться с ней. Жена Искандера Антонина Михайловна (она сохранила множество уникальных, как говорят сейчас, «эксклюзивных» подробностей жизни Искандера – и, спасибо ей, щедро поделилась с авторами этой книги) вспоминает, что именно мать Искандера навела порядок, когда по кавказскому обычаю в их московской квартире во множестве стали останавливаться абхазские гости. В Россию они приезжали по коммерческим делам, а тут в Москве родня, ну как не воспользоваться перевалочной базой... Антонина пожаловалась свекрови, что эти визиты мешают Фазилю работать. Та кивнула – и гостей как отрезало, ее сын мог работать совершенно спокойно.

Антонина Искандер, увидевшая свою свекровь только на собственной свадьбе, до сих пор, почти шестьдесят лет спустя, помнит свое впечатление. «Мне она показалась словно вырубленной из скалы. Мощная, большая женщина. Фазиль похож на нее внешне такой же тяжелой челюстью (у него она еще смягчена иранской кровью)».

Антонина Михайловна, вспоминая свою свекровь с большим уважением, не скрывает, что была в свое время немало поражена, узнавая именно от нее об абхазских обы-

чаях. Например, что свекровь и невестка не должны разговаривать прямо, обязательно через посредника – мол, «передайте ей...». Или что пришедшего с попойки мужа, упавшего на пол, нельзя упрекнуть ни словечком, а надо взять подушку и лечь с ним рядом. Как вспоминает Антонина Михайловна в том же интервью «Огоньку», не менее ее самой была поражена новой кавказской родственницей и ее московская мама. Но, впрочем, женщины сумели найти общий язык. «Лели также говорила маме: “У нас, у абхазов, тот, кто украл, меньше виноват, чем тот, у кого украли”. – “Как?” – поражалась мама. “А вот так, – продолжала Лели. – На том, кто украл, – один грех (перед человеком, у которого он украл). А тот, у кого украли, начинает думать на разных людей, и у него много грехов”. Моя мама даже растерялась и выдохнула: “А правда”»¹⁰.

Лели Хасановна была хранителем древних и, скажем так, не слишком гуманистических по отношению к слабому полу традиций. Однако, по словам Искандера, его фактически неграмотная мать была интеллигентна «в высшем смысле этого слова, нравственном».

Приведем отрывок из стихотворения Искандера, посвященного своей матери, – но разве это не вообще о матерях всех времен и народов? Детали тут уникальны, яркие, как всегда у Искандера, – но и, как всегда, они не самоценны. В этих строках есть нечто большее, по-настоящему универсальное.

Бессонной ночи темная громада.
То вздрогну, то прислушаюсь опять,
Когда услышу, как за дверью рядом,
Не просыпаясь, вдруг застонет мать.

Тревожный стон доносится до слуха,
Как грозный отзвук прожитого дня,
Как будто сердце жалуется глухо
На одиночество, на холод, на меня.

Не знаю я, какую боль скрывает.
Обида ли? А может быть, верней,
Перед закрытыми глазами проплывают
Забывшие ошибки сыновей...

Как будто жизнь налажена посильно,
Но многих, многих ей недосчитать.
Страдания немые кинофильмы
Во сне упорно догоняют мать.

Какая все-таки невыносимая сила
Ее глаза уберегла от лжи,
Какую тяжесть время провозило
Через гудящий мост ее души.

Гражданские и мировые войны.
Немало было и иных потерь.
Они ушли, строители и воины,
Портреты грустно улыбаются теперь.

Охотники, табаководы, братья,
Большой семьи веселая братва.
От боли к боли – траурное платье.
Над ним, над черным, побелела голова.

Она об этой боли не кричала.
С достоинством несла ее печать,
Но если смерть – забвения начало,
То дело смерти побеждала мать.

Матери посвящен и короткий рассказ Искандера «Скорбь» – о человеке, летящем на похороны матери. Рассказ хорошо известен, он входит в программу внеклассного чтения для школьников. Прекрасный и грустный афоризм оттуда также широко известен, забылся даже его автор, а фраза, как многое у Искандера, пошла в народ: «Мать – короткий праздник на Земле».

«Он думал, что никто в мире никогда не узнаёт о самоотверженности его матери, о ее великом терпении, любви, о ее невероятных усилиях, чтобы одной вырастить своих детей. <...>

И никто никогда не поймет, чем она была для своих близких, и этого никак не пересказать, потому что ее любовь и самоотверженность заключались в тысячах деталей, которые хранило его сердце, и в словах это не выразить, и не найдется человека, который всё это захотел бы выслушать и понять. Какая

несправедливость, думал он, шагая и шагая между людьми, сидящими на скамьях и спящими по залу аэропорта».

Но сразу же герой-рассказчик, скорбящий по своей единственной матери, выходит на обобщение, помогающее ему пережить свою потерю, – и главное, помогающее нам, читателям, понять истинные масштабы, истинные перспективы, с которыми нужно сверять свои чувства и отношение к своим близким:

«В этом мире всё прекрасное скорбит, подумал он, и всё скорбящее прекрасно. И он вдруг с абсолютной уверенностью понял, что только скорбь прекрасна и только скорбь спасет мир. И разве случайно, что лицо Богоматери всегда скорбно?..»

Вечный праздник

Старший брат Фазиля был настолько знаменит в Сухуме, что, когда говорили Искандер, имели в виду прежде всего Фиридуна. Это достаточно распространенное в Иране имя, так звали одного из героев персидского эпоса «Шахнаме», могучего царя.

Брат Фазиля царем не был, зато был славен как искусный тамада, ведущий застолий. Надо полагать, что своему Сандро, также знатному тамаде, Искандер передал некоторые черты брата. О Фиридуна, которого все называли за просто Фири, вспоминают как о ярчайшем человеке, драгоценности города. Он был украшением лучших сухумских пиров, а пиры в Сухуми происходили ежедневно, месяц за месяцем, год за годом. Свадьбы, похороны, дни рождения, просто дружеские посиделки, рестораны... Везде был нужен Фиридун, который к тому же имел популярную тогда профессию «торговый работник» (правда, без высшего образования). О нем помнят как о настоящем восточном красавце. Собственно, он и прожил жизнь, как мечтали испокон веков на Востоке многие, – в пирах и развлечениях. И уж чего греха таить, именно Фиридун, первенец, навсегда оставшийся в Абхазии, был главной любовью Лели Хасановны. Более того, согласно семейной легенде, Фазиль мог вообще не появиться на свет – слишком тяжело было бы матери поднимать троих детей

без повседневной помощи мужа. Идеальным супругом Абдул не был, и Фиридун по характеру пошел в него. Так что мы должны быть благодарны матери автора великого «Сандро» за то, что она всё же решилась на третьего ребенка.

Один из гостей Абхазии, москвич Александр Алексеевич Дятлов, вспоминает такой красноречивый эпизод:

«Много лет тому назад я... был на каком-то застольном мероприятии, на котором собралось человек триста или более абхазов. Помнится, был август месяц, и поэтому за столом подавали только белое вино. Красное у хозяев закончилось. <...>

Через какое-то время после начала торжества к огромному столу, развернутому в виде буквы П, подошел очень красивый человек лет сорока, которого пригласили сесть на почетное место.

Человек оглядел стол и громко сказал:

— Я сяду за стол, только если мне нальют черного вина!

Это был скандал. Хозяевам было нанесено страшное оскорбление. За этим виделось что угодно, только не то, что произошло в действительности.

Старик-абхаз, в черкеске с серебряными газырями, очень вежливо, с извинениями в голосе, произнес:

— Дорогой Фиридун, пожалуйста, садись. Уже послали за твоим вином, и через пять минут оно будет здесь.

Вино было вскоре доставлено, и обстановка

разрядилась». ¹¹

Такие исключения делаются только для самых почетных и уважаемых гостей!

Сестра Фазиля Гюли, наоборот, была человеком скромным и всю свою сравнительно недолгую жизнь прожила вместе с матерью в Сухуми. После института стала учительницей английского языка.

Конец «старой» семьи Фазиля Искандера был трагичен. И мать, и брата, и сестру он потерял в один год. Сперва стало известно о неизлечимой болезни сестры – рассеянном склерозе. Затем скоропостижно скончался брат, на сороковой день после его смерти – мать, не перенесшая разлуки с первенцем; после умерла и сестра. Лели было семьдесят девять, Фиридуну и Гюли – меньше шестидесяти.

Младшему сыну и брату предстояло прожить больше их всех. Московское долголетие оказалось прочнее абхазского.

Словом, всё началось с абхазского деревенского детства, в котором Искандер всю жизнь, по собственному признанию, черпал оптимизм. «Мне очень повезло с ним», – говорил он. Повезло и нам, читателям, друзьям Чика и других героев искандеровского эпоса.

Диалог авторов

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Действительно, Фазиль выезжал в Чегем, как городские дети летом на дачу. И все-таки не так просто было всё в их семье. Какая-то тайна. Простая, неграмотная продавщица из сельпо – и такая тонкость суждений. Душа общества Фиридун. Плюс тетка Фазиля, которая обожала Стендаля. В деревне Сухая Емельяновского района Красноярского края что-то маловато было любителей Стендаля. Но об этом, о книгах, которые читал юный Фазиль, мы, я думаю, будем толковать в следующей главе, да? Хотя... поневоле вспомнишь легенду о Бестужеве-Марлинском.

МИХАИЛ ГУНДАРИН: Мы пытаемся методично говорить о том, что Искандера сформировало как писателя и как человека. Про Абхазию поговорили, про родню. Про книги речь еще пойдет. Шекспир в горах – это удивительно. Где Чегем, а где Шекспир, да и многие другие классики. Проникновение культуры налицо. Тут и советской власти спасибо за массовые издания, но и традиции семьи многое значат. Разные люди жили и живут в горах. Как, впрочем, и в таежных поселках, да и в столицах.

Е.П.: Я только сейчас узнал, что Чегем действительно существовал и был частью большого села Джгерда, которое в свою очередь разделялось на семь поселков, и Чегем был ча-

стью поселка Джгярда-Ахуца. Вот что утверждают источники, цитирую из «Википедии»:

«Основным местом действия в романе Фазиля Искандера “Сандро из Чегема” является местность Чегем в поселке Джгярда-Ахуца. <...> В настоящее время Чегем, как и вся Джгярда-Ахуца, безлюден.

На территории села сохранились остатки трех христианских храмов – храм Кяч-ныха, храм Пскал и храм Гурчх. На вершине горы Пскал, на высоте 1000 метров над уровнем моря, находятся развалины небольшого христианского храма. Пскальский храм – памятник эпохи раннего Средневековья. Он окружен каменной оградой, облицован известковыми плитами, украшенными резьбой. К храму можно пройти только с северо-западной стороны по единственной узкой тропе. Вплотную к нему примыкает Великая Абхазская стена. В нескольких километрах от Пскальского храма находится полуразрушенный Кячский храм зального типа, воздвигнутый в эпоху Абхазского царства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.